

DOI 10.32726/2411-3417-2019-1-20-37

УДК 327

ЕКАТЕРИНА НАРОЧНИЦКАЯ

Украинский конфликт и Крым: испытание французской дипломатии

Аннотация. Франция оставалась в стороне от американских и европейских проектов, которые внесли решающий вклад в генезис украинского конфликта. Но она пассивно солидаризировалась с линией Евросоюза – и оказалась своего рода «заложницей» драматических последствий чужих интересов и концепций. Новая диспозиция девальвировала усилия и достижения Пятой республики в отстаивании своего видения европейской и мировой архитектуры. Опасаясь маргинализации, Франция включилась в события, инициировав – в рамках коллективной западной линии – «нормандский процесс» урегулирования. Однако в логике евроатлантической парадигмы, которую Париж принял для себя в украинском конфликте, поле для маневра у него минимально.

Ключевые слова: внешняя политика Франции, российско-европейские отношения, Восточное партнерство, украинский конфликт, санкции, «нормандский процесс», Э. Макрон, урегулирование конфликта на Украине.

«Крымская весна» 2014 г. на фоне нелегитимной смены власти в Киеве и разворачивающейся гражданской войны на Украине, как известно, стала рубиконом в отношениях между Россией и Западом. Воссоединение Крыма с Россией в принципе имеет собственную основу, не зависящую от перипетий сегодняшней украинской истории. Вместе с тем актуализация этой основы, ее воплощение в политическую реальность и международный резонанс этого акта оказались тесно связаны с процессами на Украине и вокруг нее. Анализировать международное восприятие крымской проблемы и ее место в современной мировой политике вряд ли возможно в отрыве от украинского узла.

Противоречия вокруг крымских и украинских событий вернули отношения Россия–Запад в режим конфронтации, дав импульс деградации всей системы общеевропейского и международного сотрудничества. Из этого, однако, не следует, что «новая холодная война» порождена Крымом и украинским конфликтом. Напротив, пертурбации на Украине, с их крымским продолжением, сами являются продуктом геополитических и мировоззренческих противоречий не только и не столько украинского, сколько международного масштаба, конфронтационных тенденций и проектов предшествующих

Сведения об авторе: НАРОЧНИЦКАЯ Екатерина Алексеевна – ведущий научный сотрудник Института Европы РАН, директор Центра исследований и аналитики Фонда исторической перспективы, главный редактор журнала и портала «Перспективы», кандидат исторических наук; ye_naroch@inbox.ru.

лет. События 2014 г. стали «часом истины» и спусковым крючком, назревавшего в российско-американских и российско-европейских отношениях не один год.

Линия Франции в крымском и украинском вопросах представляет особый интерес как минимум по двум причинам. Во-первых, речь идет о крупной стране, традиционно претендующей на неординарную миссию в европейской и мировой дипломатии, к тому же долгое время приверженной привилегированным отношениям с Россией. Во-вторых, французский политический класс и французское экспертное сообщество являют один из самых если не самый яркий пример неоднозначного восприятия крымской и украинской тем на Западе, заметно расходящегося с правительственным курсом. В данной статье анализируется главным объектом официальная политика Франции, в том числе ее роль в генезисе украинских событий 2014 г.; дилеммы, которые они создали для французской дипломатии; мотивация, содержание и значение ее позиций по различным аспектам крымского и украинского досье.

На пути к украинскому кризису

В историческом ракурсе французский подход к украинским событиям лишен специфического «шлейфа», который имеется, например, у германской политики, не говоря уже об амбициях Польши, для которой земли современной Украины веками были территорией ее исторических притязаний. Германия еще в конце XIX – начале XX вв. строила планы геополитической реконфигурации Mitteleuropa под своей эгидой, поощряя центробежные тенденции в западных и «малороссийских» губерниях Российской империи. А в 1918 г., сразу после подписания Брестского мира, немецко-австрийские войска поспешили занять значительную часть современной Украины, поддерживая Центральную Раду против других самопровозглашенных правительств революционного времени. Подобный опыт геополитической вовлеченности и особых замыслов в отношении данного пространства у французов отсутствовал. В годы Гражданской войны в России Франция в наименьшей степени из держав Антанты делала ставку на территориальное раздробление российского государства.

В наше время, после распада СССР, Французская Республика, в отличие от США, Германии, Польши, балтийских государств, тоже не стремилась влиять на внутриукраинские дела. А вот ее роль в международных разногласиях вокруг геополитического статуса постсоветской Украины, имеющего критическое значение для общего международного баланса, была гораздо существеннее – до определенного момента.

Франция, которая в 1966 г. вышла из военной организации НАТО и вернулась туда лишь 42 года спустя, возглавила оппозицию экспансии Атлантического блока вглубь постсоветского пространства. Отношение французских элит к атлантизму всегда было противоречивым и более настороженным, чем в других европейских странах альянса. К тому же французы, в силу собственного исторического опыта, державного статуса и военно-стратегического мышления, лучше многих понимали, что вытеснение России с территории ее исторического становления, как и приближение к ней военной инфра-

структуры НАТО, подрывают российские экзистенциальные интересы, что оно чревато издержками и проблематично в принципе.

Несмотря на отчетливый евроатлантический тренд последних десятилетий, во Франции не исчезло тяготение к стратегическому сотрудничеству с Россией, имеющее давние корни и рационально-прагматического, и ментально-духовного порядка. Тем более сохранило позиции понимание ценности сильной России для сбалансированности европейской и мировой конфигурации, для многополярного мира, модель которого привлекает французов гораздо больше, чем *Rex Americana* или американо-китайское доминирование.

Хотя качество российско-французских и в целом российско-европейских отношений 1990–2000-х годов было далеко от «стратегического партнерства», в качестве идеала взаимодействия этот концепт влиял на повестку дня. Франция, при поддержке Германии, Италии и ряда других стран, составляла противовес открыто антироссийским устремлениям внутри Евросоюза и в политике США. На Бухарестском саммите НАТО 2008 г. этой группе государств удалось не допустить предоставления Украине официального статуса кандидата на вступление в Североатлантический альянс. В острый момент вооруженного конфликта в Закавказье в августе 2008 г. Н. Саркози от имени ЕС успешно выступил в роли посредника между Западом и Россией.

Курс на экономический отрыв Украины от России и Таможенного союза также не вдохновлял французов. Серьезных экономических интересов там у них не было: в 2013 г. Украина занимала 54-е место во французском экспорте и 67-е – в импорте; число французских производственных объектов на ее территории составляло в 2010 г. порядка 50 против примерно 800 немецких [Latsa, p. 288, Chevènement].

Поскольку основополагающим приоритетом французских политических элит в последние десятилетия стал интеграционный проект Европейского союза, они согласились с расширением ЕС в Центрально-Восточной Европе (ЦВЕ) и в целом поддержали политику распространения его влияния на постсоветское пространство. При этом определение восточной стратегии Евросоюза Франция предоставила другим – Европейской комиссии, Германии, Швеции, странам «новой Европы» с их антироссийскими фобиями, жаждой реванша и региональными амбициями. Такое «разделение труда» сложилось еще со времен Ж. Ширака, когда в ЕС была запущена Европейская политика соседства, охватывавшая в том числе Украину. Программа Восточного партнерства (ВП), которая дополнила американскую политику на Украине и внесла лепту в назревание гражданской войны, курировалась Польшей и Швецией под опекой Германии.

Формально программа Восточного партнерства предполагала лишь развитие сотрудничества с восточными соседями и не была направлена против России, но подлинные задачи отличались от декларативных. Авторитетный историк, постоянный секретарь Французской академии Э. Каррер д'Анкокс публично рассказывала, в том числе на слушаниях в Сенате, что польский президент А. Квасьневский в личной беседе с ней не скрывал истинного настроения Польши (разговор шел при свидетелях): «Мы тут для того,

чтобы забрать Украину в Европейский союз, после чего граница с Россией может закрыться чем-то вроде нового железного занавеса!» [La crise ukrainienne...; Les relations avec...]

Н. Саркози, продвигавший в ЕС средиземноморские проекты, не скрывал своего сдержанного отношения к Восточному партнерству. Однако единственным аспектом этой программы, который французская дипломатия не отдала полностью на волю брюссельской бюрократии и партнеров, был вопрос о восточной границе Евросоюза. Острые дебаты, развернувшиеся на Варшавском саммите ВП 2011 г., писал позже французский дипломат, посол Филипп Лефор, сделали очевидным, что формула ВП «изначально прикрывала глубокие разногласия государств-членов в отношении...будущей судьбы пространства между Балтийским и Каспийским морями. В представлении меньшинства, в основном из Восточной и Северной Европы... границу Союза следовало провести между Украиной и Россией... Для большинства [во главе с Францией. – Е.Н.] такая перспектива была неприемлемой» [Lefort, p. 110].

Во французском истеблишменте сложилось твердое убеждение, что Евросоюз достиг предела расширения, за которым сколько-нибудь эффективное функционирование невозможно. К Украине, с почти 50-миллионным населением, это относилось в первую очередь. Кроме того, разрастание восточного фланга ЕС было невыгодно Франции с точки зрения внутренней структуры Евросоюза. Оно неминуемо повысило бы влияние центрально-восточноевропейской группы в ЕС, а также объединившейся Германии, на доминирование которой в ЕС французы и без того давно смотрят с тревогой и ревностью. Кроме того, понимая неоднородность Украины, ее вплетенность в русскую историю и значение для России, Н. Саркози и часть его администрации во главе с премьер-министром Ф. Фийоном считали контрпродуктивным пытаться полностью вырвать Украину из российской орбиты. Явная враждебность таких проектов российским жизненно важным интересам и их волюнтаризм не вписывались во французское видение российско-европейских отношений. «Украина должна сохранять свое положение моста между Европой и Россией, – повторял уже в 2015 г. Н. Саркози. – Предназначение Украины не в том, чтобы входить в Европейский союз и НАТО» [цит. по: Vitkine].

В 2008 г. именно Н. Саркози, председательствовавший тогда в ЕС, предложил в качестве альтернативы включению Украины в Евросоюз и НАТО заключить с ней договор об ассоциации с ЕС. При этом разработка документа была отдана на откуп Европейской комиссии и антироссийски настроенным новым членам ЕС – «спонсорам» Восточного партнерства. Позже, когда внутриукраинский раскол стал явью, множество французских экспертов и политиков указывали на «ответственность» либо «ошибки» брюссельских инстанций, готовивших договор с Украиной [см.: Нарочницкая Франция и украинский...].

Со своей стороны, Франция и не пыталась воздействовать на европейскую концепцию экономической ассоциации с постсоветскими республиками. Во всяком случае, никаких открытых данных на этот счет нет. Это подтверждается словами бывшего министра Ж.-П. Шевенмана: «Мне неизвестно... обсуждал ли вообще Европейский совет вопрос

[ассоциацию с Украиной. – Е.Н.] содержащий в зародыше самый серьезный геополитический кризис Европы со времен кризиса евrorакет 1982–1987 гг.» [Chevènement].

«Нынешний украинский кризис, – напоминал Ж.-П. Шевенман, выражая мнение многих французских аналитиков, – был предсказуем начиная с «оранжевой революции» 2004 г. и первой попытки вовлечь страну в НАТО в 2008 г. Этого кризиса можно было избежать. Достаточно было, чтобы Европейский союз в момент запуска программы Восточного партнерства в 2009 г. задал формат договора об ассоциации с Украиной, совместимый с поставленной в 2003 г. задачей стратегического партнерства между ЕС и Россией – созданием пространства свободного обмена «от Лиссабона до Владивостока». Потребовалось бы, разумеется, принять во внимание интегрированность украинской и российской экономики. Тем самым Евросоюз не дал бы сделать из себя инструмент в руках адвокатов распространения НАТО все дальше на восток» [Chevènement].

Задавалась ли в принципе французская дипломатия вопросом, как вписать ассоциацию с Евросоюзом ближайших союзников России в концепт Большой Европы, интерес к которому проявляли все французские президенты со времен де Голля вплоть до конца 2000-х годов? Если нет, то сколько-нибудь последовательный поиск формулы партнерских отношений с Россией не велся. Помимо общепризнанной импульсивности Н. Саркози, последовательности не могли не мешать разногласия внутри французского истеблишмента, в правящей партии и правительственной команде. Ф. Фийону и отчасти Н. Саркози импонировала логика голлизма, с ее вниманием к историческим реальностям и убеждением в ценности партнерства с «великой Россией». Но она была совершенно чужда, например, Б. Кушнеру, занимавшему в 2007–2010 гг. пост министра иностранных дел, – врачу по образованию, выходцу из левоцентристской среды, который к тому же был известен своим дипломатическим непрофессионализмом и при котором опытные дипломатические кадры часто оттеснялись от решения профильных вопросов.

У Ф. Олланда, сменившего Н. Саркози в 2012 г., в принципе не было мотивов подвергать сомнению правильность восточной стратегии Брюсселя. Его стандартное для представителя леволиберальной среды внешнеполитическое кредо строилось на комбинации краткосрочного прагматизма с догмами европейской интеграции, продвижения демократии и прав человека в их сегодняшнем либертарном понимании. Ни склонностью к «большой» международной политике, ни особым интересом к партнерству с Россией, ни знанием реалий постсоветских государств он не отличался. Что же касается расширения НАТО, то президент Олланд неоднократно подтверждал свое отрицательное отношение к атлантической интеграции Украины, которое является для французского политического класса предметом консенсуса.

Конкретика восточной политики ЕС тем временем оставалась за кадром французских интересов. Детальная проработка так называемой «углубленной всеобъемлющей зоны свободной торговли и ассоциации» с восточными партнерами находилась в руках Европейской комиссии и курировалась европейским комиссаром от Чехии Штефаном

Фюле. Украину поставили перед альтернативным выбором: или торгово-экономическая ассоциация с ЕС – или участие в евразийском Таможенном союзе.

Когда вслед за отказом В. Януковича подписать в таком виде договор ассоциации с ЕС в Киеве стартовали беспорядки, официальный Париж трактовал (а возможно, и воспринимал) эти события в черно-белой гамме, в которой их представляли западные СМИ, – как вдохновляемое тягой к демократии и европейским ценностям народное восстание против коррумпированного режима и «шантажа» Москвы. То, что реально происходило тогда в украинской столице и в разных частях страны, где разгорались очаги смуты и гражданской войны, было или не замечено, или недооценено, или проигнорировано.

Между тем, некоторые французские эксперты и политики предупреждали, что ситуация с Украиной «в реальности гораздо сложнее» и что ее надо срочно выводить из тупика. «Ничего нет опасней для Украины, чем быть вынужденной делать альтернативный выбор между Востоком и Западом», – предупреждал в декабре 2013 г. директор аналитического центра «Обсерво» при Франко-российской торгово-промышленной палате Арно Дюбьен, добавляя, что в украинскую оппозицию входят «люди...чья идеология априори должна была бы их дискредитировать и побудить западные СМИ быть гораздо осторожнее в оценке происходящего...» [Dubien].

Тем не менее Ф. Олланд, как и остальные главы европейских государств и правительств, не прибыл на последний саммит Россия – ЕС, предоставив вести переговоры с В. Путиным высшим чиновникам Евросоюза Ж.-М. Баррозу и Х. Ван Ромпею. Путин предложил рассмотреть варианты технико-экономического решения, которое позволило бы Украине находиться одновременно в зоне свободной торговли с ЕС и в Таможенном союзе. Баррозу и Ван Ромпей отказались даже обсуждать это, под предлогом того, что содержание договора об ассоциации есть суверенное дело Украины [Chevènement]. И это несмотря на то, что В. Янукович еще в конце 2013 г. высказался за создание трехсторонней европейско-украинско-российской комиссии как раз для согласования проблемных аспектов этого договора.

Франция оставалась в основном в стороне от игры, которую на стадии приближения украинского кризиса вели американцы, заинтересованные члены ЕС и брюссельский аппарат. Но она пассивно солидаризировалась с общей линией Евросоюза – и оказалась заложницей ее последствий. «Воспламенение Украины» с ноября 2013 г. явилось для французской дипломатии неожиданностью: «...мы ничего не предвидели», – признался тогдашний посол в Киеве Филипп де Сюрмен [Marchand]. Более того, украинский переворот, связанный, как вскоре выяснилось, с планами атлантической интеграции Украины, девальвировал мнение и усилия французской дипломатии по такому капитальному вопросу, как пределы расширения НАТО. Создавшийся расклад, к которому Франция не имела прямого отношения, маргинализировал, оттеснял ее на второй план большой европейской политики. Оказались во многом сведены на нет предыдущие достижения Пятой республики в отстаивании своего видения и влияния на ключевые параметры международной архитектуры.

Испытание «нормандского формата»

Среди многочисленных американских и европейских представителей высокого ранга, которые открыто поддерживали Евромайдан еще в декабре 2013 – январе 2014 г., французов, насколько известно, не было. Но когда обострение в Киеве достигло пика, в Париже сочли невозможным оставаться в тени, особенно на фоне активности Германии. Впрочем, Ф. Олланд, погруженный в экономические вопросы, малийский кризис и сирийские дела, на несколько месяцев предоставил принимать решения по украинскому досье министру иностранных дел Л. Фабиусу.

20 февраля Л. Фабиус прибыл в украинскую столицу, где вместе с министрами иностранных дел Германии и Польши участвовал от имени ЕС в переговорах между правительством и оппозицией. Франция выступила одним из гарантов соглашения с В. Януковичем от 21 февраля, которое подписал, вопреки ошибочному стереотипу, не Фабиус, а директор отдела континентальной Европы МИД Эрик Фурнье. После чего европейская тройка покинула Киев, предоставив оппозиции свободу действий. Теоретически ее миссия, писал профессор страсбургского Института политических наук Ж.-К. Ромер, давала шанс урегулировать кризис, но «Франция, похоже, не поняла всю важность этой диспозиции, тогда как «треугольник» («веймарский треугольник» в составе Франции, Германии и Польши. – Е.Н.) представлял идеальный формат для возобновления переговоров с Россией – хотя бы ради того, чтобы избежать маргинализации Франции» [Romer, p. 10].

Через несколько дней, последовав примеру США, Германии, Польши и ряда других государств, Франция – в нарушение соглашения от 21 февраля – признала законной неконституционную смену власти в Киеве. Политика нового режима, отмена статуса русского языка, политическое возвышение радикальных националистических группировок и их произвол, объявление «антитеррористической операции» против несогласных с переворотом критике не подвергались. Напротив, действия не признавшей майданную власть части населения Украины, референдум 16 марта в Крыму и присоединение Крыма к России, а также провозглашение ЛНР и ДНР встретили резкое осуждение. Ф. Олланд был в числе западных руководителей, которые еще 4 марта 2014 г., сразу после пресс-конференции В. Путина о ситуации на Украине, выразили намерение ответить на крымский референдум антироссийскими санкциями. Вину за обострение ситуации в восточной Украине и ее переход в стадию вооруженного противостояния Париж, так же как США и ЕС в целом, возложил на Россию.

Франция поддержала исключение России из «большой восьмерки», отмену саммитов ЕС – Россия, прекращение переговоров Евросоюза о новом варианте базового Соглашения о партнерстве и сотрудничестве с РФ и в целом приняла участие в антироссийских санкциях всех уровней, введенных Евросоюзом, Советом Европы и иными структурами с французским участием.

Крайне болезненную для французов дилемму в контексте санкций создавала ситуация с «Мистралями». Подписанный в 2011 г. контракт на строительство двух верто-

летоносцев типа «Мистраль» для российского флота был находкой для французского кораблестроения, страдавшего от недозагрузки мощностей и безработицы. Для России главную ценность представлял политико-символический аспект сделки. Впервые крупная западная держава продавала РФ сложную, технически передовую военную технику – как нормальному международному контрагенту, если не союзнику. Это реальное подкрепление риторики о стратегическом партнерстве далось Н. Саркози непросто. В Атлантическом союзе, ЕС и самой Франции этот проект с самого начала столкнулся с неодобрением сторонников жесткой линии в отношении «путинской России». Во французском военном руководстве он получил зеленый свет лишь после того, как Жан-Луи Жоржелена на посту начальника генерального штаба сменил Эдуар Гийо.

На фоне крымских событий 2014 г. контракт на «Мистрали», к тому времени полностью оплаченный Россией, мгновенно попал под прицел жесточайшей критики. США, Великобритания, Германия, инстанции ЕС и множество влиятельных фигур призывали французское руководство разорвать его, нередко в патетическом и ультимативном тоне¹. О давлении, которое по разным линиям оказывалось за кадром публичной политики, остается только догадываться. Американский суд оштрафовал один из крупнейших банков Франции BNP-Paribas почти на 9 млрд долл. [BNP Paribas...], используя в качестве предлога давние операции банка с контрагентами в Судане, Иране и на Кубе. После столь устрашающего «урока» французские банки в массовом порядке начали отказываться от финансирования любых проектов с российскими партнерами.

Ф. Олланд приостановил запланированную на сентябрь 2014 г. передачу России первого корабля, на котором уже находился российский экипаж, но еще несколько месяцев медлил с окончательным решением. Во Франции развернулась острая полемика. Сторонники контракта апеллировали к тому, что санкции против РФ, введенные в ответ на присоединение Крыма, не могут распространяться на ранее заключенные сделки, а нарушение обязательств обернется для Франции колоссальными материальными и морально-политическими потерями. Проведенное в январе 2015 г. социологическое исследование показало явно негативное отношение французов к разрыву контракта. Подавляющее большинство считало, что такой шаг нанесет серьезный ущерб национальному судостроению (77 %); подрвет позиции Франции на рынке вооружений (69%); повредит ее международной репутации (56%); не окажет положительного влияния на урегулирование украинского кризиса (75%); 64% четко высказались за поставку «Мистралей» России [Français, la perception du conflit... p. 9–10]. Тем не менее в апреле 2015 г. Олланд объявил об одностороннем расторжении контракта. К тому времени французам удалось договориться с Россией о минимизации своих материальных потерь (принципиальное согласие, по некоторым данным, было достигнуто в период заключения второго Минского соглашения).

1 «Франция обязана немедленно прекратить поставку двух вертолетоносцев «Мистраль», – требовал председатель фракции Европейской народной партии в Европарламенте Манфред Вебер. – ...совершенно немыслимо, чтобы Франция продолжала ... обучать российских солдат управлению ими» [цит. по: Ducourtieux].

Особая роль Франции на украинском направлении связана с созданием четырехстороннего «нормандского формата» переговоров по урегулированию конфликта в составе Франции, Германии, России и Украины. Не поддерживая призывы к полной «международной изоляции» России, Ф. Олланд пригласил В. Путина на празднование в июне 2014 г. юбилея высадки союзников в Нормандии, где присутствовал и новоизбранный президент Украины П. Порошенко и где, вопреки неодобрению со стороны Б. Обамы, не пожелавшему присоединиться к французскому начинанию, родилась «нормандская четверка». В общей сложности при Ф. Олланде в «нормандском формате» состоялось пять саммитов, несколько телефонных переговоров на высшем уровне и 14 встреч на уровне глав или представителей МИД.

Плодом именно «нормандского процесса» стало второе (основное) Минское соглашение, официально именуемое «Комплекс мер по выполнению Минских соглашений» (то есть протокола, подписанного 5 сентября 2014 г. трехсторонней контактной группой в составе представителей Украины, России и ОБСЕ). Второе Минское соглашение было согласовано на саммите «нормандской четверки» 11–12 февраля 2015 г. в результате 17-часовых переговоров, после чего подписано трехсторонней контактной группой и представителями ДНР и ЛНР. Минские договоренности снизили интенсивность боевых действий, предотвратили дальнейшую эскалацию и неизбежную в этом случае интернационализацию вооруженного конфликта на Юго-Востоке Украины. С немалым трудом удалось добиться их одобрения Советом Безопасности ООН, преодолев скрытое противодействие США и Великобритании. Минские соглашения являются единственным формально признанным всеми «игроками» планом разрешения конфликта. Однако, трактуемые противоборствующими сторонами по-разному, они остаются невыполненными, а их способность быть основой политического урегулирования на Украине многими аналитиками подвергается сомнению.

Как бы то ни было, «нормандский процесс» оказался одним из достижений посредственной дипломатии Ф. Олланда. Франция в какой-то мере подтвердила свою миссию посредника между Западом и Востоком в кризисных ситуациях. В отличие от прошлого, важнее всего для Парижа было то, что «нормандский формат» позволил ему выступать на равных с Берлином, укрепить образ франко-германского тандема как лидирующей силы в ЕС, потеснив на украинском направлении «новую Европу» во главе с Польшей. Иницировав «нормандский формат», Ф. Олланд не стремился единолично играть автономную роль в украинском урегулировании. Напротив, французы действовали строго в координации с немцами, в том числе в дипломатических контактах с Киевом. По сути «нормандская четверка» была франко-германским проектом, в котором А. Меркель исполняла не менее важную если не первую партию, согласуя к тому же ключевые шаги с Б. Обамой.

«Нормандскую» инициативу Парижа представляли как проявление если не голлистской, то «голлисто-миттерандистской» относительно независимой политики в украинском конфликте¹. Изъян этой трактовки в том, что она исходит из узко-процедурного ракурса,

1 Такое мнение высказал, например, директор парижского Института международных и стратегических исследований Паскаль Бонифас, выступая 15 декабря 2015 г. в аналитическом центре «Обсерво» при Франко-российской торгово-промышленной палате в Москве.

игнорирующего содержательную составляющую политики. «Нормандский процесс», при всей его значимости, – это всего лишь переговорный механизм плюс достигнутый в его рамках нечеткий, а главное, поверхностный компромисс. И он далеко не компенсирует остальные аспекты французской роли в связи с украинской драмой и ее капитальными последствиями. На стадии назревания украинского раскола, в интерпретации событий, оценке действий сторон – во всем этом курс Франции в конечном счете вписался в общую линию НАТО и ЕС. Во многом поэтому «нормандский формат» и не позволил добиться почти ничего, кроме полузамораживания конфликта, а в последующем забуксовал.

Показательно, что на пике успеха «нормандского процесса» в 2015 г. 63 % французов были удовлетворены степенью присутствия своей страны в переговорах по урегулированию украинского кризиса, но лишь 49% считали роль Франции в урегулировании конфликта достаточно эффективной [Français, la perception du conflit, p. 7].

В полной мере Париж участвовал в санкционном давлении на Россию. Правда, подобно представителям Австрии, Венгрии, Италии, Чехии, Греции, Кипра и некоторых других стран ЕС, французские лидеры неоднократно высказывались против автоматического продления санкций, за их пересмотр и снятие. Но при каждом голосовании в Европейском совете они, как и остальные, соглашались с продлением или даже расширением санкционных мер. Этот парадокс принято объяснять зависимостью прежде всего от США, системы Евросоюза, Германии как лидера ЕС...

Американский фактор, конечно, играет немалую роль. Например, в евроатлантических инстанциях представителям Франции не удавалось провести отличную от американской точку зрения по украинской теме, хотя – и на это тоже стоит обратить внимание – они пытались это сделать. Раздражение французских военных прорвалось наружу на слушаниях в Комитете по обороне и вооружениям Национального собрания Франции 25 марта 2015 г. Глава управления военной разведки генерал Кристоф Гомар тогда заявил: «Я помню, как на одном из этих форумов нам пытались выкручивать руки по вопросу Украины. ...Реальная трудность с НАТО состоит в том, что американская разведка там главенствует, тогда как данные французской разведки принимаются во внимание лишь отчасти ...НАТО объявила, что русские собираются вторгнуться на Украину, в то время как по данным Управления военной разведки (Франции. – Е.Н.) ничто не подтверждало эту гипотезу... Будущее показало, что мы были правы» [Audition du general...]. Стенограмма выступления генерала опубликована на официальном сайте Национального собрания, но французские СМИ обошли его молчанием, хотя такой эпизод не мог не обсуждаться в кулуарах и остаться неизвестным журналистам. Только благодаря отдельным блогам, агентству Sputnik и соцсетям он получил некоторую известность.

И все же коллективная евроатлантическая линия обеспечивается далеко не одним американским доминированием, но и установками самих европейских элит, а также сложным взаимодействием разнообразных интересов и приоритетов европейских участников. Что касается антироссийских санкций, то пожелания европейских лидеров на тему их отмены могут иметь неоднозначный подтекст и смысл. Отчасти такие декларации призваны успокоить затронутых санкциями европейских производителей и «до-

машних» сторонников нормальных отношений с Россией, отчасти – служат разменной монетой в дипломатическом торге внутри западных объединений.

Если снятие санкций обуславливается соблюдением Минских соглашений, а вина за невыполнение последних возлагается почти исключительно на Россию, как это происходит во французском случае, то речь идет, видимо, о заведомой риторике и своего рода форме давления на российскую сторону. Стоит иметь в виду, что за последние пять лет немалая часть французских производителей, пострадавших от санкционной войны с Россией, уже переориентировалась на иные рынки и источники финансирования. Отсюда не следует, что стратегический интерес к российскому рынку вовсе потерян, но прессинг конкретных бизнес-запросов в пользу нормальных отношений с Россией во Франции объективно ослаб.

Избрание Э. Макрона в мае 2017 г. не изменило ключевых аспектов французской позиции по вопросам Крыма, Украины и российско-европейских отношений. В отличие от своих главных соперников – Ф. Фийона, М. Ле Пен и Ж-Л. Меланшона, он еще на этапе предвыборной кампании акцентировал ценностные разногласия с Россией и осуждал ее за Крым и Донбасс, обещая вести с В. Путиным «требовательный диалог».

После избрания Э. Макрон сам заговорил о возможном расширении санкций, если Россия не прекратит поддерживать сепаратистские регионы Донбасса. А в декабре 2017 г. Европейский совет впервые без дискуссий продлил санкции в связи с ролью России в донбасском конфликте – на основании совместного доклада французского президента и немецкого канцлера. Ужесточение американских санкций против РФ вызвало открытый протест Франции (и ЕС) только в той части, где речь шла об экстерриториальном характере нового американского санкционного закона, который позволяет США наказывать за его нарушение любых, в том числе европейских юридических и физических лиц. «Экстерриториальный характер данного текста представляется незаконным с точки зрения международного права», – говорилось в заявлении представителя французского МИД [La France vent...].

Произошел более чем заметный спад переговорной активности в рамках «нормандского процесса», хотя вначале Э. Макрон демонстрировал живой интерес к его продолжению. После первой встречи с В. Путиным в Версале в мае 2017 г. он даже поспешил объявить, что договорился о скорейшем проведении саммита «нормандской четверки». По всей видимости, молодой президент был готов к этому на своих условиях – в русле его общего настроения к России, продемонстрированного в ходе версальской встречи¹. Так или иначе, за два года с мая 2017 г. по этой линии состоялись считанные телефонные беседы четырех лидеров (лето 2017), всего одна встреча министров (июнь 2018, Берлин) и «усеченный» трехсторонний саммит А. Меркель, Э. Макрона и П. Порошенко без В. Путина (май 2018, Ахен).

1 Как пишет Дж. Локланд, анализируя прием, оказанный В.Путину Э. Макроном в Версале, «суть его «месседжа» в адрес России очевидна: он рад иметь дело с русскими, но только на своих условиях» [см. Локланд, с. 65].

Первейшим внешнеполитическим приоритетом для Э. Макрона является Европейский союз, который он призывает реформировать, чтобы вдохнуть в него новую жизнь, не меняя – и это главное – основ его постнациональной неолиберальной философии. Объективная миссия этой программы, ради которой его поддержали «сильные мира сего» – провести ребрендинг и оптимизацию ЕС, спасти переживающий небывалый кризис брюссельский интеграционный проект перед лицом растущих протестных настроений, не допустить к власти сторонников иной, альтернативной стратегии развития Европы [О новом идейном конфликте в западных обществах на примере Франции см., напр.: Нарочницкая Суверенизм...]. Стремление западного «мейнстрима» к реваншу и подавлению внутреннего инакомыслия становится дополнительным мотивом давления на Россию с ее ментальной независимостью, геополитической субъектностью и видением мироустройства. Этим в принципе задано сохранение прежней логики евроатлантического подхода и к украинскому узлу, и (во многом) к вопросу Крыма, несмотря на рискованность и проблематичность с рациональной точки зрения конфронтационного курса.

Вместе с тем амбиции и незаурядные личные достоинства Э. Макрона не исключали с его стороны сюрпризов (даже в духе того, который в 2000 г. ждал ельцинскую «семью»). Во всяком случае, на заре его президентства такие парадоксальные надежды среди французских оппозиционных аналитиков имелись. Макрона явно влекли «большая политика», лавры «титана дипломатии». А более энергичное использование элементов голлистского внешнеполитического наследия [Нарочницкая Внешнеполитическое наследие...] сулило как минимум тактические выгоды. Отвечало оно и запросу со стороны немалой части общества и французского истеблишмента, в среде которого в последние годы растет интерес к концепции голло-миттерандизма.

Э. Макрон тоже апеллировал к голло-миттерандизму и высказался за конец «неоконсерватизма по-французски». В традициях де Голля он с самого начала старался делать ставку на прямые личные контакты с лидерами ведущих держав. Если бы французскому президенту удалось установить привилегированный диалог как с Д. Трампом, так и с В. Путиным, теоретически это могло бы стать прологом к совместному поиску выхода из украинского тупика.

Отдельные нетривиальные шаги Э. Макрона на российском (и украинском) направлении заслуживают внимания прежде всего из-за той реакции, которую они вызвали у влиятельных мейнстримных идеологов, подобных Бернару Анри Леви¹. Так, спустя некоторое время после поездки на Петербургский международно-экономический форум 2018 г. Э. Макрон внезапно оказался объектом алармистской критики.

Симптоматичная публикация близкого к Б.-А. Леви политолога Филиппа де Лара на франко-ангоязычном сайте Telos-eu начиналась с вопроса «Что случилось с пре-

1 Бернар Анри Леви (Bernard Henri-Lévy), общественный деятель и философ-публицист, известный своей политической ангажированностью, в том числе в международных конфликтах, агрессивным стилем и широкими связями в высших сферах, является одной из знаковых фигур леволиберального, глобалистского, постмодернистского мышления, представляемого в качестве единственно допустимого («pensee unique»). Безусловный сторонник Евромайдана.

зидентом Макроном в Санкт-Петербурге?». «То, что он сказал и не сказал во время своего визита в Россию, – утверждалось в статье, – означает впечатляющий поворот во внешней политике. ... По Украине поворот разительный: слово «Крым» не было произнесено ни разу, как и слово «война». Признав, что «уважает значительную роль, которую отводит себе Россия в своем региональном окружении», г-н Макрон затем заявил, что «мирное урегулирование кризиса в Донбассе является ключевым элементом возвращения к мирным отношениям между Европой и Россией». Эту фразу в контексте предыдущей можно было понять лишь в том смысле, что надо не защищать суверенитет Украины, а избавляться от занозы, мешающей «мирным отношениям». А ведь всего за несколько дней до этого, по случаю открытия Керченского моста, Франция подтвердила, что *никогда* не признает аннексии Крыма, а Жан-Ив Ле Дриан (министр иностранных дел. – Е.Н), находясь с визитом в Киеве, четко указал на Россию как на агрессора в донбасской войне, открыто порвав с лицемерной дипломатией «уважения Минских соглашений всеми сторонами». О санкциях г-н Макрон упомянул всего единожды и только затем, чтобы сказать, что «*несмотря на санкции*» французские компании в России занимают первое место среди иностранных предприятий по числу рабочих мест» [Lara].

Но «самым тревожным проявлением смены политического курса» Ф. де Лара, которому не откажешь в знании контекста и проницательности, счел то, что Э. Макрон обсуждал с В. Путиным российско-европейскую дилемму в парадигме Ф.М. Достоевского и в своей речи прямо апеллировал к мысли великого русского писателя. Действительно, на совместной пресс-конференции двух президентов 24 мая в Петербурге Э. Макрон произнес слова с глубоким подтекстом, на которые журналисты не обратили особого внимания: «...я убежден, что две наши страны призваны и заинтересованы определить подлинную почву примирения всех европейских противоречий, как выразился в своей «Речи о Пушкине» Достоевский, о котором мы только что вспоминали»¹ [Conférence...]. Далее Ф. де Лара подробно объяснял, почему, с учетом интеллектуального склада Макрона и места Достоевского в русской мысли, это не было обычным парадным цитированием, а отражало нечто большее.

Когда в июле 2018 г., через два дня после возвращения Э. Макрона из Москвы, где он вновь встречался с В. Путиным на финале футбольного чемпионата, грянуло громкое «дело Беналля», многих озадачило особое рвение, с которым принялись раскручивать скандал все ведущие СМИ. Возникли версии, трактующие это как «сигнал» Э. Макрону со стороны контролирующей медийную сферу влиятельных кругов. Одна из версий связывала это с наметившимся взаимопониманием между французским и российским лидерами.

1 В официальном переводе на русский язык, размещенном на сайте Елисейского дворца, это место сформулировано несколько иначе: «...мы продолжаем этот исторический курс, определив в нем место нашим контактам в качестве реальной площадки для «внесения примирения в европейские противоречия», говоря словами ДОСТОЕВСКОГО из его речи о ПУШКИНЕ. Я уверен, в этом - призвание и взаимный интерес наших стран. Конечно, вероятно, в этом - суть отношений наших двух стран. Все европейские противоречия свойственны и нашим народам, но нам удавалось раньше примирить их – мы сумеем сделать это в будущем – чтобы создать общую площадку примирения» [Conférence...]

Так ли обстояло дело, точнее, присутствовал ли этот фактор среди прочих и насколько реальной была эволюция позиций главы французского государства, достоверно судить трудно. Как бы то ни было, «примирение противоречий» не имело видимого продолжения, а глубокий внутривластный кризис, в который повергло Францию движение «желтых жилетов», оттеснил российско-украинские сюжеты на дальнюю периферию макроновской повестки дня.

Открытые данные, разумеется, не дают полной картины действий французской дипломатии в украинском и крымском вопросах, однако очертить их главные контуры вполне позволяют.

Франция не просто не признает де-юре российский статус Крыма. Она проводит политику демонстративного, подчеркнутого непризнания его выхода из состава Украины и присоединения к РФ. Сугубо негативно оценивается последующее политико-экономическое развитие крымского региона. Французский МИД регулярно воспроизводит практически неизменные формулы, добавляя текущие детали по мере событий. В стандартный свод входят не только «незаконность аннексии Крыма» и «твердая приверженность полному восстановлению суверенитета и территориальной целостности Украины в ее международно признанных границах», но и «озабоченность милитаризацией полуострова и ухудшением положения с правами человека, а именно крымских татар»; осуждение проводимых на полуострове «незаконных выборов» [См. на сайте французского МИД раздел по Украине: *Ukraine...*]. Типичный пример с перечислением всех пунктов – выступление постоянного представителя Франции в СБ ООН 15 марта 2018 г. [*L'annexion...*]. Безусловному осуждению подверглись действия России в связи с инцидентом в Керченском проливе, а также ее подход к правовому статусу пролива и режиму судоходства в акватории Азовского моря. Любые международные проекты в Крыму бойкотируются официальным Парижем. При этом, как выразился французский специалист по России Пьер Лоррен, «мы все знаем, и западные руководители прекрасно знают, что Крым останется российским...» [*Les dirigeants...*].

В конфликте на Юго-Востоке Украины Франция по-прежнему признает единственной основой урегулирования Минские соглашения и призывает к их выполнению, возлагая вину за отсутствие прогресса в этом и периодические вспышки боевых действий главным образом на Россию. Даже если действия Киева в отношении неподконтрольных территорий вызвали в Париже неодобрение и тревогу, публично это практически не артикулировалось. Нарастание украинских формирований в зоне конфликта, продолжение обстрелов населенных пунктов ДНР и ЛНР – все это на Кэ д'Орсе не комментировали по существу, «призывая обе стороны соблюдать перемирие» [*Ukraine – Q&R – Extrait... 15 février 2018*]. Закон о реинтеграции Донбасса не вызвал у Франции никаких замечаний. Между тем даже ангажированные на стороне Киева эксперты, как Мари Мандрас, не раз признавали, что у Киева нет концепции политического решения проблемы особого статуса Востока страны. «Мы до сих пор ждем, когда украинский президент и украинский парламент объяснят свое видение и программу для восточного Донбасса», – отмечала М. Мандрас два с половиной года спустя после подписания Минских соглашений [*This is What...*].

Признаки раздражения в адрес П. Порошенко и его правительства просматривались. Разумеется, попытки шантажа со стороны Киева, вроде заявления о том, что Украина выйдет из Минских соглашений, если России вернут право голоса в ПАСЕ, удаивались отпора, пусть и в корректной форме. Тем не менее Париж продолжал до недавнего времени оказывать явную политическую поддержку режиму П. Порошенко на Украине и его позиций в связи с конфликтом. Правда, коммюнике французского и украинского дипломатических ведомств различались по степени подчеркивания франко-украинского согласия. Но, находясь на Украине, французские официальные лица с готовностью акцентировали согласие и публично оперировали понятиями из лексикона киевской стороны, называя Россию агрессором и захватчиком, чего они в иных случаях избегали.

Таким образом, в главных содержательных параметрах официальная позиция Франции в украинском конфликте не изменилась и не выбивалась из коллективной линии НАТО–ЕС. В качестве «трека» переговоров администрация Э. Макрона держится за «нормандский формат», поскольку приоритетом для нее остается франко-германский тандем, выступающий от имени Европы и продвигающий концепт единой внешней политики ЕС. На фоне кризиса «нормандского процесса» и характера противоречий между его сторонами, эта установка вылилась в дальнейшую стагнацию урегулирования.

Специфика французской позиции связана с отдельными элементами украинского досье, такими как параметры гипотетической миротворческой миссии ООН, работа военных наблюдателей и другие [см. Нарочницкая Франция...]. Среди самого важного стоит отметить, что Франция не одобряет планы увеличения военной помощи Украине, в том числе со стороны США, и избегает собственного военного присутствия в зоне конфликта. Призывы П. Порошенко заменить российских военных, покинувших Совместный центр контроля и координации, немецкими и французскими специалистами остались без ответа. Американское предложение направить в Керченский пролив французские военные корабли Париж тем более отверг, расценив его как «ненужную провокацию».

Таким образом, Франция настороженно подходит ко всему, что способно спровоцировать вооруженную эскалацию и интернационализацию украинского противостояния. Вместе с тем политика администрации Макрона явно не ориентирована на активный поиск урегулирования. Глубокое вовлечение в украинские дела не отвечает ни возможностям, ни приоритетам Франции. Складывается впечатление, что больше всего Францию в этой связи волнуют ее конкурентные позиции в рамках евроатлантического сообщества. Ситуация полужамороженного конфликта для нее предпочтительнее, чем, например, изменение «миротворческого» формата при оттеснении франко-германской пары на второстепенные позиции.

Дилемма для Франции состоит в том, что, взяв на себя миссию одного из главных западных «кураторов» переговоров, она поставила на кон свой дипломатический имидж, как и имидж Евросоюза. Затягивающийся тупик в «нормандском процессе» девальвирует ее роль. Между тем Париж связан коллективной евроатлантической линией и необходимостью координировать свою позицию с Берлином и Вашингтоном. В рамках

той парадигмы, которую Париж принял для себя в украинском конфликте, поле для маневра у него минимально.

На украинском направлении французская дипломатия оказалась заложницей драматических последствий не своих, а чужих интересов, подходов и проектов. Движение в заданном ими фарватере означает разрыв с внешнеполитическим наследием голлизма, с его основополагающим принципом самостоятельности решений и пониманием ценности сотрудничества с Россией. Противоречит оно и характерному для голлизма учету исторических реальностей – в данном случае реальностей общей русско-украинской истории. Об этом очень точно сказал бывший депутат Национального собрания Анри Гэно: «Де Голль стремился проводить политику, основанную на реальностях. Закрывая глаза на реальности – исторические, культурные, демографические, географические... мы обрекаем себя на провал... Такой провал мы наблюдаем в международной политике, в конфликте между Россией и Украиной, где Европа и Соединенные Штаты не приняли во внимание географию и культуру» [Guaino].

Литература

- BNP Paribas согласился заплатить \$8,97 млрд за нарушение санкций США // РИА Новости. 01.07.2014. – URL: <https://ria.ru/20140701/1014215242.html> (дата обращения: 09.04.2019).
- Локланд Дж. Феномен Эмманюэля Макрона // Перспективы. Электронный журнал». 2018. №2(14). С. 49–68. – URL: http://perspektivy.info/upload/iblock/5c2/Lokland-DOI_2018_2_49_68.pdf (дата обращения: 09.04.2016)
- Нарочницкая Е.А. Внешнеполитическое наследие голлизма в современной Франции // Франция на пороге перемен: экономика и политика в начале XXI века. Отв. ред.: А.В. Кузнецов, М.В. Клинова, А.К. Кудрявцев, П.П. Тимофеев. М. 2016. С. 210–220.
- Нарочницкая Е.А. «Суверенизм» против «глобализма»: выборы 2017 г. через призму идейно-ценностного конфликта // Франция при президенте Эммануэле Макроне: в начале пути / Отв. ред. М.В. Клинова, А.К. Кудрявцев, Ю.И. Рубинский, П.П. Тимофеев. М. 2018. С. 152–160.
- Нарочницкая Е.А. Франция и украинский конфликт // Актуальные проблемы Европы: Науч. журн. / РАН. ИНИОН. М. 2018. № 4: Современные вооружённые конфликты: политика европейских государств. С. 56–80.
- L'annexion illégale de la Crimée a des conséquences sur la sécurité internationale. Intervention de M. François Delattre, représentant permanent de la France auprès des Nations unies. Réunion du Conseil de sécurité en format Arria – 15 mars 2018 // Représentation permanente de la France auprès des Nations Unies à New York. – URL: <https://onu.delegfrance.org/L-annexion-illegale-de-la-Crimee-par-la-Russie-a-des-consequences-sur-la> (date of access: 09.04.2019).
- Audition du général Christophe Gomart, directeur du renseignement militaire, sur le projet de loi relatif au renseignement. Commission de la défense nationale et des forces armées. Mercredi 25 mars 2015. Séance de 9 heures. Compte rendu n° 49 // Assemblée Nationale. – URL: <http://www.assemblee-nationale.fr/14/cr-cdef/14-15/c1415049.asp> (date of access : 09.04.2019).
- Chevenement J.-P. Crise ukrainienne, une épreuve de vérité // Le Monde. Juin, 2015. – URL: <https://www.monde-diplomatique.fr/2015/06/CHEVENEMENT/53060> (date of access: 09.04.2019).

- Conférence de presse conjointe du Président de la République, Emmanuel Macron et de Vladimir Poutine à Saint-Pétersbourg // Elysée. 24.05.2018. – URL: <https://www.elysee.fr/emmanuel-macron/2018/05/24/conference-de-presse-conjointe-du-president-de-la-republique-emmanuel-macron-et-de-vladimir-poutine-a-saint-petersbourg> (date of access: 09.04.2019).
- La crise ukrainienne. Intervention de Mme Hélène Carrère d'Encausse, secrétaire perpétuel de l'Académie française, au colloque «La Russie en Europe» du 23 septembre 2014 // Fondation Res Publica. – URL : https://www.fondation-res-publica.org/La-crise-ukrainienne_a847.html (date of access : 09.04.2019).
- «Les dirigeants occidentaux savent très bien que la Crimée restera russe», estime Pierre Lorrain // RT. 18.03.2019. – URL : <https://www.youtube.com/watch?v=Lxli1Q7nhm0&feature=youtu.be> (date of access: 09.04.2019).
- Dubien A.* Quels sont les causes et enjeux du « non » ukrainien à l'Union européenne ? // IRIS. 06.12.2013. – URL: <http://www.iris-france.org/43810-quels-sont-les-causes-et-enjeux-du-non-ukrainien-a-lunion-europeenne/> (date of access : 27.02.2018).
- Ducourtieux C.* Vente de Mistral à la Russie: «Cette hypocrisie a suffisamment duré» // Le Monde. 02.09.2014. – URL: http://www.lemonde.fr/europe/article/2014/09/02/le-president-du-pp-estime-impensable-la-livraison-par-la-france-de-mistral-a-la-russie_4480698_3214.html (date of access: 27.02.2018).
- Français, la perception du conflit ukraino-russe et la livraison de navires de guerre à la Russie. Sondage IFOP pour La Tribune. Janvier 2015. – URL: http://www.ifop.com/media/poll/2912-1-study_file.pdf (date of access: 27.02.2018).
- La France vent debout contre les sanctions américaines «illicites» contre la Russie // Challenges. 26.07.2017. – URL: https://www.challenges.fr/monde/etats-unis/la-france-et-l-ue-vent-debout-contre-les-sanctions-americaines-illicites-contre-la-russie_489735 (Date of access – 27.02.2018).
- Guaino H.* De Gaulle, la France et moi // Le Figaro. 03.04.2015. – URL: <http://www.lefigaro.fr/vox/politique/2015/04/03/31001-20150403ARTFIG00419-henri-guaino-de-gaulle-la-france-et-moi.php> (date of access: 27.02.2018).
- Lara Ph. de.* Où est passé Emmanuel Macron? // Telos. 20.06.2018. – URL: <https://www.telos-eu.com/fr/politique-francaise-et-internationale/ou-est-passe-emmanuel-macron.html> (date of access: 09.04.2019).
- Latsa A.* Un printemps russe. Genève. 2016.
- Lefort Ph.* La crise ukrainienne ou le malentendu européen // Politique étrangère. 2014. Vol. 79. №2. P. 109–121.
- Macron : la France «ne reconnaîtra pas l'annexion de la Crimée» // Le Figaro. – 26.06.2017. – URL: <http://www.lefigaro.fr/flash-actu/2017/06/26/97001-20170626FILWWW00150-macron-la-france-ne-reconnaitra-pas-l-annexion-de-la-crimee.php> (date of access: 27.02.2018).
- Marchand P.* Le conflit ukrainien, des enjeux géopolitiques et géoéconomiques. P. 1. – URL: <https://journals.openedition.org/echogeo/13976?gathStatIcon=true> (date of access: 09.04.2019).
- Merchet J.-D.* Mistral : le vrai coût de l'annulation du contrat // L'Opinion. – 24.08.2015. – URL: <https://www.lopinion.fr/edition/international/mistral-vrai-cout-l-annulation-contrat-56840> (date of access: 27.02.2018).
- Les relations avec la Russie : comment sortir de l'impasse ? B. Audition de Mme Hélène Carrère d'Encausse, Secrétaire Perpétuel de l'Académie Française, le 4 Février 2015 // Senat. – URL: <http://www.senat.fr/rap/r15-021/r15-02116.html> (date of access : 09.04.2019).

- Romer Ch.* Crise ukrainienne : conséquences stratégiques // La crise ukrainienne vue par les chercheurs. Note de recherche stratégique 6. IRSEM. P. 9–11. – URL: <https://www.defense.gouv.fr/content/download/257790/3126653/file/NRS%20UKRAINE.pdf> (date of access: 27.02.2018).
- Situation en Ukraine: l'action de la France // France Diplomatie. Février 2017. – URL: <https://www.diplomatie.gouv.fr/fr/politique-etrangere-de-la-france/defense-et-securite/crises-et-conflits/ukraine-23669/> (date of access: 27.02.2018).
- This is What Macron Might Do About Russia's Invasion of Ukraine // Hromadske International. 01.07.2017. – URL: <https://en.hromadske.ua/posts/this-is-what-macron-might-do-about-russias-invasion-of-ukraine> (date of access: 09.04.2019).
- Ukraine: Macron promet un échange « exigeant » et sans « concession » avec Poutine // Europe 1. 27.05.2017. – URL: <http://www.europe1.fr/international/ukraine-macron-promet-un-echange-exigeant-et-sans-concession-avec-poutine-3343271> (date of access: 27.02.2018).
- Ukraine // France Diplomatie. – URL: <https://www.diplomatie.gouv.fr/fr/dossiers-pays/ukraine/> (date of access: 09.04.2019).
- Ukraine – Q&R – Extrait du point presse (15 février 2018) // France Diplomatie.. – Mode of access: <https://www.diplomatie.gouv.fr/fr/dossiers-pays/ukraine/evenements/article/ukraine-q-r-extrait-du-point-presse-15-02-18> (date of access: 27.02.2018).
- Vitkine B.* Crise ukrainienne : Nicolas Sarkozy reprend la rhétorique du Kremlin // Le Monde. 09.02.2015. – URL: https://www.lemonde.fr/europe/article/2015/02/09/crise-ukrainienne-nicolas-sarkozy-reprend-la-rhetorique-du-kremlin_4572863_3214.html (date of access: 09.04.2019).